

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ФИЛОСОФИЯ ТВОРЧЕСТВА

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ 8-9 АПРЕЛЯ 2015 г.,
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН, г. МОСКВА

Под редакцией доктора философских наук,
профессора Н. М. Смирновой
и кандидата философских наук А. Ю. Алексеева

Составитель: кандидат философских наук
Е. А. Янковская

Издательство «ИИнтелл»
Москва, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

УДК 165:008 (058)

ББК 60,56; 73

Ф-51

Рецензенты:

доктор философских наук, профессор Д.И. ДУБРОВСКИЙ
(Институт философии РАН),
доктор философских наук, профессор Ю.Ю. Петрунин
(МГУ им. М.В.Ломоносова).

Ф-51 **Философия творчества:** материалы Всероссийской научной конференции, 8-9 апреля 2015 г., Институт философии РАН, г. Москва / Под ред. Н.М.Смирновой, А.Ю.Алексеева. – М.: ИИнтелл, 2015. – 452 с.

ISBN 978-5-98956-009-7

Представлены материалы первой Всероссийской научной конференции «Философия творчества», организованной сектором философских проблем творчества Института философии РАН совместно с Научным советом РАН по методологии искусственного интеллекта (НСМИИ РАН). Конференция стала первым в России (и вторым в Европе) научным мероприятием, специально посвященным философским проблемам творчества. Охвачен широкий спектр проблем – от логической составляющей творческой деятельности до прикладных методик анализа креативности. Философский анализ творчества – не только концептуальная основа междисциплинарного синтеза различных отраслей социально-гуманитарных, естественнонаучных и технических знаний, но и когнитивная матрица исследования прикладных аспектов творческой деятельности.

Организация мероприятия поддержана Российским гуманитарным научным фондом (проект РГНФ № 15-03-14116/15).

УДК 100.32

ББК 32.813

Ф-51

ISBN 978-5-98956-009-7

© Авторы, 2015 г.

© Институт философии РАН, 2015 г.

© ООО «ИИнтелл», 2015 г.

От редакторов О конференции	9
Гусейнов А.А. Приветственное слово	22
Смирнова Н.М. Обращение к участникам конференции.....	23
Смирнов А.В. Творчество и логика: к вопросу о концептуализации границы между творческим и нетворческим	24
Зотов А.Ф. Феноменология творчества – на пути к истокам творческого процесса	30
Анохин К.В. Мозг, творчество, сознание	44
Черниговская Т.В. Творчество как предназначение мозга.....	53
Смирнова Н.М. Творчество как процесс созидания новых культурных смыслов	63
Горохов В.Г. Философия техники как теория творческой деятельности.....	78
Никитина Е.А. Концепции технического творчества как самопознания в философии техники	102
Розин В.М. Творчество как форма жизни личности и культуры.....	110
Богоявленская Д.Б. Природа творчества без мистики.....	122
Кузнецов В.Г. Синестезия: восприятие природы и связь с творчеством.....	138
Кобляков А. А. Творчество и трансмерные отношения.....	147

Сиднева Т.Б. Музыка: границы творчества	167
Петухов С.В., Степанян И.В. Фибоначчи-ступенные генетические строи и музыкальная терапия	180
Кудряшова Т.Б. К вопросу об онтологии творчества: роль памяти и воображения в появлении нового	195
Кузнецов В.Ю. Проблема творчества и парадокс нового	206
Бескова И.А. Природа творческого прозрения	210
Труфанова Е.О. Эскапизм как основа творческой деятельности	224
Майданов А.С. Принципы и логические схемы мифотворчества	233
Моркина Ю.С. Поэтический язык как носитель смысла	244
Зотов О.А. Поэтическое творчество в кельтской традиции. Часть первая	257
Ивин А.А. Коллективный разум и социальные образцы как продукт его творчества	275
Горелов А.А. Л.Н.Толстой о социальном назначении творчества	285
Прокопчук Ю.В. Психопатология и творчество Л.Н.Толстого	293
Пилюгина М.А. Особенности интерпретации артефактов культуры и искусства	299
Филипенко С.А. Личностное знание и творчество	305
Володько Н.Г. Неявное знание как детерминанта творческого процесса	312
Ласицкая Э.В. Творческая активность конструирующего субъекта: эволюционно- эпистемологический подход	319

Заяц Ж.М. Проблема творчества в культурологическом образовании	326
Баксанский О.Е. Конвергентные подходы к изучению творческой деятельности	331
Пирожкова С.В. Предвидение в структуре научного творчества	335
Шестакова М.А. Проблема творчества в нейроэстетике	343
Дейнека Э.А. Философские проблемы художественного творчества и нейроэстетики	352
Петруня О.Э. Творчество и проблема «демаркации» в компьютерном мире	364
Савельев А.В. Прошедшее будущее отечественного технического творчества	373
Алексеев А.Ю., Янковская Е.А. Феноменология компьютерного творчества: тест Ады Лавлейс	376
Ханолайнен Д.П. Компьютер как творческий инструмент	395
Терехов М.Д. Фреймовый подход в изучении творчества	401
Карпов В.Э. Имитация творчества: от псевдолитературных произведений к компьютерному кинематографу	407
Пожарев Т., Алексеев А. Креативные мультимедиа: физикалистский и менталистский подходы	418
Лещев С.В. К феноменологии творчества: компьютинг, интерпретация, цифрофизика	425
Самохвалова В.И. Творчество: феномен, предпосылки, субстрат и возможности	432
Сведения об авторах	447

ФИЛОСОФИЯ ТВОРЧЕСТВА

**Материалы
Всероссийской научной конференции
8-9 апреля 2015 г.,
Институт философии РАН, г. Москва**

Утверждено к печати на заседании Ученого совета
Института философии РАН «22» декабря 2015 г.

Редакторы:
Н.М.Смирнова, А.Ю.Алексеев
Корректор и составитель: Е.А.Янковская
Оригинал-макет и дизайн: Тодор Пожарев
Технический корректор: А.В.Савельев

Издательство «ИИнтелЛ»
109518, г. Москва, ул. Грайвороновская, д. 20 – 171
book@aintell.info, <http://www.aintell.info>,
8(499)1771031, 8(926)6201889

Подписано в печать с оригинал-макета 25 декабря
2015 г.

Формат 60x84 1/16. Ризография. Гарнитура PT Sans.
Усл.-печ.л.- 223. Авт.листов - 30 Тираж 200 экз.
Заказ № 05 от 25.12.2015 г.

Отпечатано в ЦОП
издательства «ИИнтелЛ»

А.В. Смирнов

ТВОРЧЕСТВО И ЛОГИКА: К ВОПРОСУ О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ГРАНИЦЫ МЕЖДУ ТВОРЧЕСКИМ И НЕТВОРЧЕСКИМ

Аннотация. Вопрос о границе между творческим и не-творческим поставлен как вопрос о задании логики понимания и истолкования высказываний на естественном языке и явлений мира. Высказана гипотеза о том, что понимание высказываний типа «S есть не-P» предполагает творческий (не предзаданный) акт осмысления. Показана связь этой проблематики с концептуализацией мира в логике субстанции и логике процесса.

Ключевые слова: логика, творчество, форма, содержательность, смысл, субстанция, процесс.

Smirnov, A.V.

Creativity and Logic: the Question of the Conceptualization of the Boundaries between Creative and Uncreative

Abstract. To understand proposition «S is non-P» we need to know the limitations of «non-P», which are not communicated to us by that proposition. Those limits are creatively defined in the act of speech. The two possible ways to set up the limit between the opposites and to define their unity are discussed. Substance-based and process-based logics may be elaborated following those two ways of defining the core logic of cognitive activity.

Key words: logic, creativity, form, content, sense, substance, process.

В этом докладе я попробую сделать шаг к тому, от чего в своем вступительном слове как раз предостерегал академик А.А.Гусейнов, то есть шаг к анатомированию творчества. Но не самого творчества, конечно же, потому что само творчество невозможно анатомировать. Я буду говорить о границе между творчеством и чем-то другим. Ведь помимо творчества, есть что-то другое, что мы не относим к творчеству, — то, где властвует закономерность, детерминизм. Творчество — это то, что связывается обычно со свободой, а не-творчество — то, что связывается с детерминизмом, со следованием каким-то законам. Есть какая-то граница между ними. И мой вопрос в том, что это за граница, как она создается, и является ли сама эта граница между творческим и нетворческим творческой или нет; является ли ее задание творческим актом или это что-то, навязанное нам как внешняя для нас закономерность.

Я хочу поговорить об этом на примере такого скучного предмета, как логика, а именно формальная логика в самом простом ее варианте родовидовой логики. Мне представляется, что творчество — это такая вещь, к которой, как к логики. Мне представляется, что творчество — это такая вещь, к которой, как к балету, или к футболу, или к политике имеют отношение все и вместе с тем — никто. «Все» в каком смысле? В том, что в постсредневековом смысле слова «творчество» любой человек — творец. И даже тот, кто, собственно говоря, не творит в узком смысле слова, то есть не музицирует или не пишет картины, все равно творит. Давайте зададим такой вопрос: говорение, акт речи — это творческий акт или нет? То, чем я сейчас занят, когда делаю этот доклад, — это творческий акт или нет? Даже не в том смысле, что я не читаю свой доклад по бумажке, а произвожу эти фразы, сотворяю их, — даже не в этом смысле. Когда мы утром разговариваем с женой или с мужем или с детьми за завтраком — это творческий акт или нет? Акт понимания; вот вы сейчас слушаете и понимаете, — это творческий акт или нет? Или перевод с языка на язык, когда у нас есть языковая форма исходного высказывания и другая языковая форма — результат перевода, и есть какой-то посредник между ними — сфера собственно перевода, когда сам перевод должен совершаться во внеязыковой форме, то есть в каких-то «формах», которые, собственно, «формой» и не являются в том смысле, что они не заключены ни в какие языковые границы, — это творческий акт или нет? Думаю, что творческий. Понятие творчества в этом смысле может быть расширено и на эти сферы, и, наоборот, есть смысл расширить его на все эти сферы.

Так в каком же смысле мы все имеем отношение к творчеству? В том смысле, что все мы обладаем свободой. Но в то же время — никто, потому что подлинный-то творец, творец с большой буквы, конечно, один — тот самый Творец, о котором говорило Средневековье. Творец, который способен к *собственно* творчеству, то есть к тому, чтобы сделать что-то из ничего. Человек, рассмотренный как творец в метафорическом употреблении слова «творчество», все же не творит из ничего. Только Творец способен на это. Этот акт творения, который нарушает всю закономерность, всю заданность, всю жесткость форм, — чисто творческий акт, акт Творца с большой буквы.

Имеем ли мы, люди, действительно отношение к такому творчеству как к творчеству из ничего, когда мы не просто перестраиваем что-то, что уже было до нас, используем слова, которые были до нас, используем формы искусства, которые были до нас (и в эти формы помещаем себя)? А можем ли мы вообще в действительности что-то создавать из ничего? Это вопрос, который касается самого существа философского понимания человека, как мне кажется.

Как еще может быть осмыслена граница между творчеством и нетворчеством? Она может быть осмыслена в терминах классического детерминизма. Классический детерминизм, понимаемый как утверждение о том, что все, что происходит, всегда имеет свою причину, конечно, исключает творчество, потому что если все, что происходит, имеет причину, то где же здесь свобода для творчества и где возможность возникновения из ничего, где возможность непредзаданности? И даже если сегодня в науке говорят об эмерджентности и об

эмерджентных свойствах, как будто снимая эти ограничения классического детерминизма, то все же, мне кажется, это скорее способ переименовать непонятное, нежели объяснить его.

Давайте возьмем ясный (точнее, считающийся ясным) пример закономерного — того, что исключает какое-либо творческое искание и поиск. Вот обыкновенная формальная логика в ее традиционном, аристотелевском варианте. Что такое логика? Логика — это то, что работает с формами, то есть с чем-то таким, что жестко задано. Логика в современном ее понимании не изучает законы мышления, она изучает только формы — правильные формы умозаключения. Формы — это то, что определяет жесткую закономерность.

Давайте спросим: действительно ли это так? Ведь форма может вместить, казалось бы, что угодно, но все-таки только то, что она может вместить. Иначе говоря, форма должна сообщать нам каким-то образом, формой чего она является. А это уже означает, что форма не является чисто формальной. Форма тем самым является и содержательной. «Чистая формальность», которая связывается с твердой закономерностью, отсутствием свободы и не оставляет места творчеству, — эта самая форма, оказывается, все же оставляет открытой дверь для творческого, для связанного с содержательностью и со смыслом, с чем-то, что не формализуется.

Я хочу сказать, что если граница между творческим и нетворческим — это граница между смыслом и жесткой закономерностью (часто говорят «свобода», «свобода творчества», «смысл», а ведь смысл — это что-то такое, что не подчиняется жестким, формальным определениям), то все же форма, хотя она как будто и задает жесткую закономерность, сама-то по себе «начинена» смыслом, потому что она не является «чистой». Это — известная проблема «чистой формы». Форма может вместить все что угодно, но только не саму себя.

Но давайте от абстрактного рассуждения перейдем к простому примеру. Обратимся к обычной речевой практике. Например, мы в разговоре можем услышать: «Этот человек не красивый». Здесь использовано отрицание. Но что значит «не красивый»? «Не красивый» — это отрицание того, что человек «красивый». Но куда нам следует двигаться после такой констатации? Что означает это отрицание и как мы должны понять услышанную фразу? Ведь отрицание — это чистая пустота. Однако высказанная фраза означает не просто отсутствие; наш собеседник не просто сообщил нам, что некий человек лишен свойства красоты. Эта фраза, кроме того, и утверждает что-то. Ведь в практике употребления русского языка, когда мы говорим «не красивый», «не белый», «не легкий», «не тяжелый» и т.п., такие конструкции передают не просто чистое отрицание, но и всегда утверждают что-то.

А что именно они утверждают? Иначе говоря, куда мы можем двигаться в поиске значений, которые подтверждаются этим отрицанием? «Не красивый»; но какой? «Уродливый» или просто «невзрачный», «блеклый»? Какой именно? Это не определено точно, и мы можем двигаться достаточно далеко, перебирая разные значения, которые годятся в данном случае и могут быть подставлены

вместо отрицания «не красивый». Но есть и нечто, что определено точно: эти значения всегда будут располагаться в какой-то рамке, в каких-то пределах.

В каких же именно? Ведь формальная логика, которая имеет дело с отрицанием, как будто ничего не сообщает об этих самых рамках и пределах, откуда мы можем черпать значения, пытаюсь положительно истолковать отрицание «не красивый». Отрицание — чисто формальное, оно может быть обозначено формальным значком. И в языке мы тоже используем формальную частицу «не», которая распространена как в русском, так и в других индоевропейских языках и которая ничего не сообщает нам о том, куда именно мы должны двинуться для того, чтобы понять, что же сказано. Между тем, мы прекрасно умеем понимать подобные фразы, ежедневно ими обмениваясь. Значит, и само говорение — производство такого рода фраз и их понимание — связано с каким-то творческим актом. Ведь для того, чтобы производить и чтобы понимать такие фразы, мы должны сами задать ту самую форму, в пределах которой мы помещаем возможные значения.

Чисто формальные, как обычно считают, операции, которые описываются самыми простыми формальными законами логики, требуют от нас творческого акта. Теперь задумаемся, что это за творческий акт? Всякий скажет: естественно, это задание рода. Здесь задается некая родовидовая конфигурация: «красивый — не красивый» — два дихотомических вида, но есть и какой-то род, который их объединяет (как мы его в данном случае назовем — неважно). Или же, если задана противоположность «белый — не белый», значит, мы имеем род «цвет».

Итак, уже задание рода как границы, необходимой для понимания, или же — как формы, в которой будут помещаться значения, с помощью которых мы истолковываем услышанные нами фразы типа «S есть не-P», — уже этот акт, мне кажется, можно считать творческим, потому что такая граница не сообщена мне собеседником и задается исключительно мною в процессе понимания такой фразы. А также — творчески задается собеседником, который подразумевал, но не высказал явно, не обозначил в своей фразе эту границу, без которой — еще раз подчеркну это — невозможно было бы наше взаимопонимание. Эти творческие акты встроены в ткань повседневного общения, того смыслополагания, без которого невозможна человечность.

Но я хочу сделать еще один шаг. Для этого я должен задать вопрос: всегда ли отношения между противоположностями и граница, которая охватывает противоположности, задается таким образом, как в рассмотренном случае?

Если мы говорим об аристотелевской логике, если мы говорим о том, каким образом мы привыкли мыслить и выстраивать смыслы, как мы выстраиваем нашу речь, как мы ее понимаем, — то, да, она всегда задается таким образом. А именно, она задается так, что может быть представлена метафорически в виде некоего пространства — вместилища этих значений, некой емкости, которая может быть разделена на две части (если мы следуем строгой дихотомии), в которую как будто помещаются эти значения. Только на основе этой интуиции мы можем использовать такие неопределенные слова, как «не красивый», «не белый», которые при этом окажутся значащими для нашего собеседника и для нас самих, так что

их значение не будет ограничено простым отрицанием. Эта опора на интуицию при совершении, казалось бы, простых, обыденных операций (говорение, понимание), а также самых простых логических операций, опора на интуицию при задании смысла границы — это, как мне кажется, неформальный акт. Это то, что ускользает из-под власти строго определенной закономерности. И крайне важно, с моей точки зрения, обратить на это внимание. Мы ежедневно соприкасаемся с тайной творчества, с удивительной областью свободы и производства смыслов, хотя имеем дело с очень простыми вещами — с использованием обыденного языка и с логикой, которая устроена совсем несложно и известна больше двух тысяч лет. Поэтому, как мне представляется, сугубо формальная трактовка аристотелевской логики, которая возобладала и превратилась в наше время в магистральное русло развития логической мысли, — эта трактовка, безусловно, имеет свои неоспоримые преимущества, но все же и упускает нечто, что у Аристотеля предполагалось и без чего его логика была бы попросту невозможна, а именно, — *творческое задание границ*.

К сожалению, время моего доклада приближается к концу, поэтому я завершаю. Фразы формы «S есть не-P», о которых мы говорили, предполагают задание границы, и тем самым — творение смысла той формы, куда мы помещаем значения типа «не-P», которыми обмениваемся во время разговора. Однако задание такого рода границы, без которого не обходятся ежедневные акты говорения и понимания, *может быть разным*. Это довольно сложная материя, но дело заключается вот в чем. Как мы видим, самая простая родовидовая конфигурация — это противоположение-и-объединение. Есть две противоположности, которые относятся друг к другу как отрицание, и есть то, что их объединяет. И базовая интуиция здесь — пространственная: есть некое объемлющееместилище, которое вмещает эти противоположности. Однако для *формально* того же самого, то есть для двух противоположностей и того, что их объединяет, мы можем придумать другую иллюстрацию, мы можем указать на другую интуицию. Мы тогда сделаем *то же самое* совершенно *иначе*. И когда обнаруживается, что мы способны сделать то же самое иначе, может быть, тогда и тем самым мы также *сдвигаем границу* между творческим и не-творческим, равно как сдвигаем границу нашей свободы и нашего творческого акта?

Как же это можно сделать иначе?

Пусть противоположностями будут два взаимодействующих тела, например, магнит и кусок железа. Ведь это противоположности: один притягивает, другой притягивается. И есть собственно «притягивание», есть некое «поле», которое физически фиксирует их объединение и которое служит в этом смысле границей между ними. Ведь то поле магнитного взаимодействия, которое возникает между ними, ограничивает их обоих — и магнит, и железо; и то, что притягивает, и то, что притягивается. Ограничивает потому, что задает пределы, в которых они, эти две субстанции, могут рассматриваться не как таковые (не с точки зрения своих субстанциальных свойств), а как стороны единого процесса «притягивания», иначе говоря, рассматриваться процессуально.

Мы имеем здесь такую же конфигурацию противоположения-и-объединения, что в первом рассматривавшемся случае (в случае фраз типа «S есть не-P»). Однако здесь эта конфигурация наполнена другим смыслом и истолковывается, исходя из другой интуиции. Здесь родовидовые интуиции становятся бессмысленными, они просто не будут работать. И тогда для того, чтобы обозначать такую противоположность, мы не можем, например, в обыденном языке пользоваться таким простым приемом, как отрицание «не», потому что отрицание «не» работает только в том случае, если у нас есть базовая интуиция общегоместилища-пространства, когда она действительно осмысленна, то есть имеет смысл как для говорящего, так и для слушающего.

Примеры такого процессуального взаимодействия легко могут быть найдены — достаточно взглянуть вокруг. Мы можем видеть мир субстанциально, так, как его привыкло видеть европейское мышление, находя его устойчивость и закономерность в его фиксированной сущности, помещенной в определенные замкнутые границы, задающие сущность вещи, отвечающую на вопрос «что это?». Это один взгляд. Другой взгляд — когда мы видим мир как некую сумму взаимодействий, которые связывают противоположные стороны, как «притягивание» связывает магнит и железо. Это — разные взгляды, которые выстраивают для нас разные миры. Закономерности, которые мы сможем открыть в каждом из таких миров, будут разными.

Задание таких границ — это задание способа формировать осмысленность мира. В этом задании границ человек свободен. Это не превращает его в Творца с большой буквы, способного творить мир из ничего. Но осознание этого и овладение этим неимоверно раздвигает пределы его свободного творчества, в котором он встает над жесткой закономерностью и детерминированностью.

Пилюгина Маргарита Алексеевна	кандидат философских наук, сотрудник кафедры истории и методологии науки Института философии РАН, г.Москва
Пирожкова Софья Владиславовна	кандидат философских наук, научный сотрудник сектора теории познания Института философии РАН, г.Москва
Пожарев Тодор	аспирант философского факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, г. Новый Сад, Сербия
Прокопчук Юрий Валентинович	научный сотрудник государственного музея Л.Н.Толстого, г.Москва
Розин Вадим Маркович	доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН, г.Москва
Савельев Александр Викторович	Старший научный сотрудник, заместитель главного редактора журнала «Нейрокомпьютеры: разработка, применение», начальник патентного агентства «©Уникально честное патентование», г. Москва
Самохвалова Вера Ильинична	доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, г.Москва
Сиднева Татьяна Борисовна	доктор культурологических наук, профессор, проректор, заведующая кафедрой философии и эстетики Нижегородской государственной консерватории (академии) имени М.И.Глинки, член Союза композиторов РФ, г.Нижний Новгород
Смирнов Андрей Вадимович	директор Института философии РАН, член- корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, заведующий сектором философии исламского мира Института философии РАН, г.Москва
Смирнова Наталия Михайловна	доктор философских наук, профессор, заведующая сектором философских проблем творчества Института философии РАН, г.Москва